

Антон Валерьевич МинайчевОмский государственный педагогический университет, аспирант кафедры философии, Омск, Россия
e-mail: mail.box42@yandex.ru

Самоцензура в механизме объективации ценностей

Аннотация. Статья ставит своей задачей обоснование самоцензуры как универсального, всеобщего явления, влияющего на оценку общества и культуры как по шкале ценностей «сохранение/самовыражение», так и по шкале ценностей «традиция/секуляризм» Р. Инглхарта и К. Вельцеля. Приводятся доказательства методологической конструктивности рассмотрения явления самоцензуры как дополнительного фактора при анализе общества или культуры по шкале «традиция/секуляризм».

Ключевые слова: ценности сохранения, ценности самовыражения, традиционные ценности, секулярные ценности, самоцензура, самоотчуждение.

Anton V. Minaichev Omsk State Pedagogical University, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: mail.box42@yandex.ru

Self-Censorship in Mechanism of Value Objectivation

Abstract. The article aims to substantiate self-censorship as a universal, global phenomenon that affects both the assessment of society and culture on the scale of values of preservation/self-expression, and on the scale of values of tradition/secularism by R. Inglehart and K. Welzel. The article provides evidence of the methodological constructiveness of considering the phenomenon of self-censorship as an additional factor in the analysis of society or culture on the scale of tradition/secularism.

Keywords: values of preservation, values of self-expression, traditional values, secular values, self-censorship, self-alienation.

Введение (Introduction)

Явление самоцензуры, ранее изучаемое в политологии, социологии и философии, постепенно видоизменяется как под воздействием новых технических средств, так и в результате естественного развития культуры как таковой. К примеру, в Резолюции Европарламента от 3 мая 2018 г. о плюрализме средств массовой информации (СМИ) и свободе СМИ в Европейском Союзе, а также в Резолюции Организации Объединенных Наций A/HRC/45/L.42/Rev.1 от 1 октября 2020 г. подчеркивается, что информатизация общества может приводить к учащению необоснованного вмешательства государственных и негосударственных акторов в деятельность журналистов, блогеров и иных информационных агентов, под которыми можно понимать отдельных индивидов. Данное вмешательство может иметь серьезное и сдерживающее воздействие на свободу выражения мнений, принуждая к самоцензуре. При этом самоцензура может также рассматриваться и как механизм, способствующий сохранению культуры и ее ценностей. Эта идея зафиксирована у Р. Инглхарта и К. Вельцеля. Дialeктическое противоречие, возникающее между пониманием самоцензуры как негативного сдерживающего развития фактора и как механизма сохранения и воспроизводства

культуры, позволяет рассматривать самоцензуру как возможную тему для философского исследования. Целью данной статьи, таким образом, стало исследование феномена самоцензуры в философско-антропологическом контексте с опорой на аксиологически направленную систему классификации культур Р. Инглхарта и К. Вельцеля. Гипотезой будет выступать предположение, что самоцензура носит характер универсального, всеобщего явления, влияющего на оценку общества и культуры не только по предложенной авторами шкале survival/self-expression (*сохранение/самовыражение*: здесь и далее перевод наш. — А. М.), о чём говорят сами авторы, но и по шкале traditional/secular (*традиция/секуляризм*).

Методы (Methods)

Р. Инглхарт и его соавтор, К. Вельцель, создают собственную методологию, на основании которой они проводят лонгитюдное исследование (с 1981 г.) ценностей и их изменения. К 2021 г. исследованием оказались охвачены около 120 стран. Две основные шкалы, используемые авторами, — это шкалы survival/self-expression (*сохранение/самовыражение*) и traditional/secular (*традиция/секуляризм*), которые, по мнению авторов, являются универсальными

для объяснения социоэкономического и культурного состояния любого общества [1]. Первая шкала дает представление о склонности общества к ценностям сохранения или самовыражения, вторая проясняет склонность того или иного общества к религиозным или светским ценностям. Ценности сохранения носят вертикальный характер, они указывают на давление авторитета, а также на сохранение признаваемых традиционными культурных практик, социальных и гендерных ролей, государственных институтов.

В методологии Р. Инглхарта и К. Вельцеля первая шкала может распадаться на четыре субиндекса: *autonomy*, *equality*, *choice* и *voice* (*автономия, равенство, выбор и свобода слова*). Первый из них посвящен личностной автономии индивида; второй — обобщенно понимаемому уровню равенства (экономическому, гендерному и т. д.); третий — возможности гражданского общества влиять на государственные решения или образовывать локальные коммуны с собственными формальными или неформальными правилами; четвертый, и самый важный для этой статьи, посвящен широко понимаемой свободе слова в плане как ее институциональной возможности, так и отсутствия каких-либо последствий после ее реализации.

Вторая шкала, используемая авторами, — шкала *tradition/secular*, также может распадаться на четыре субиндекса: *defiance*, *disbelief*, *relativism*, *scepticism* (*неповиновение, неверие, релятивизм, скептицизм*). Первый из них характеризует распространенность неодобряемого религией поведения, второй — открытого неверия, третий — морального релятивизма, противостоящего религиозной абсолютной морали, и, наконец, четвертый — не только критического мышления как такового, но и феномена причисления себя к верующим по культурным соображениям, а не по собственно религиозным [2].

Для перехода от культурологического и социологического материала к философскому осмыслению будут использованы следующие методы: герменевтический, семиотический, диалектический, историко-философский.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Конституции, или основные законы, большинства стран мира прямо запрещают цензуру, очевидно, ставшую одним из самых сильных средств контроля публичных высказываний, однако этого самого по себе недостаточно для достижения значительной величины субиндекса *voice* (*свобода слова*). Реально существующая цензура может мимикрировать под нечто другое, например необходимость уважения общественной морали, когда высказывание индивида приведет к наложению сильной общественной санкции на него. Таким образом, намечен механизм, удерживающий индивида от высказывания, несмотря на декларируемую возможность полной свободы такового.

Феномен самоцензуры приводит к тому, что субъект лишается возможности быть, собственно, субъектом, поскольку субъект здесь и далее — действующий индивид, носитель индивидуального сознания, который выходит за пределы самого себя и деятельность которого целенаправленна, подвержена самомодификации (вопрос о субъектности коллективных акторов не является темой данной

работы) [3]. Так как возможности его выхода за пределы себя ограничиваются, происходит самоотчуждение. Под самоотчуждением в рамках данной статьи понимается процесс внутрисубъектного отказа от реализации присущих субъекту интенций, обусловленный действием вышеупомянутых ценностей сохранения. Самоотчуждение находится в диалектической противоположности с самореализацией, которую можно определить как воплощение интенций субъекта.

Самореализация и свобода взаимосвязаны. «Самореализация неотделима от свободы, но ей далеко не тождественна. Общим моментом любой формы проявления свободы является право на выбор. Объективное основание выбора — спектр потребностей и возможностей самого человека и поле возможностей окружающего мира, тех жизненных обстоятельств, в которых он живет» [4, с. 12–13]. Таким образом, мы приходим к пониманию того, что понятия свободы и самореализации логически пересекаются.

Ввиду того, что самоотчуждение подразумевает отказ от свободы, оно становится инструментом строительства тоталитарных систем, специфическое свойство которых — отказ от актуальной реальности, построение реальности альтернативной ради сохранения и консервации определенного набора ценностей.

«Идеологическое мышление освобождается от реальности, воспринимаемой нашими пятью чувствами, и настаивает на какой-то “более истинной” реальности, скрывающейся за всеми воспринимаемыми явлениями, правящей ими из этого сокровенного тайника и требующей шестого чувства для своего распознавания. Этим шестым чувством как раз и наделяет идеология» [5, с. 611], — писала Х. Арендт. Парадоксальным образом, несмотря на эмпирически доказанную возможность абсолютного торжества ценностей сохранения в культурной жизни, сопряженную с практически безупречным воспроизводством этой самой культуры, данная система оказывается крайне недолговечной, и ценности сохранения становятся разрушительным фактором сами по себе. Тоталитарные государства, являющиеся крайним примером воплощения господства ценностей сохранения над ценностями самовыражения, просуществовали всего несколько десятилетий. Внутри тоталитарной системы неизбежно происходит самоотчуждение субъекта.

Самоотчуждение приводит к погружению субъекта в состояние неподлинного бытия, исследуемого в рамках экзистенциализма. С. Р. Геворкян полагает, что неподлинное бытие — порождение социальных порядков, довлеющих над индивидом. Неподлинное бытие — состояние, при котором человек оказывается поглощен средой, предметной или социальной, что перечеркивает его субъектность, овеществляет его. Тем не менее человек не может быть и изолированным субъектом, с точки зрения М. Хайдеггера. При неподлинном существовании человек приходит к осознанию своей заменяемости другими людьми, т. е. «усредняет» себя. Появляется «субъект как среднее». Подлинный человек — это такой, который осознает свое субъективное бытие, неслитность с обществом, однако понимает и свою зависимость от него [6, с. 144]. Явление самоцензуры стремится слить человека с обществом, лишить его субъектности.

Оказавшись в такой ситуации, индивид столкнется с выбором — рисковать и брать на себя ответственность за это или же подвергнуть угрозе свой статус субъекта.

С философской точки зрения самоцензура влечет самоотчуждение и затем лишает индивида подлинного бытия, в котором он является субъектом. Более того, аксиологический подход к культуре полностью теряет любой смысл: ценность по определению конструирует внутренний мир субъекта, его уникально-субъектное бытие, когда полностью навязанные извне установки не рефлексированы и принимаются просто как неизменная данность.

Самоцензура, самореализация и самоотчуждение могут быть рассмотрены в качестве внутрисубъектной триады, определяющей итоговую интенцию конкретного индивида к подлинному или неподлинному бытию. Самоцензура, самореализация и самоотчуждение представляют собой логически совместимые понятия, находящиеся в отношении пересечения. Также они являются модусами бытия субъекта, экзистенциалами в понимании М. Хайдеггера, связанными с непосредственным жизненным миром. Их логическая связанность между собой позволяет исследовать их, с одной стороны, отдельно, а с другой — не упуская их уникальное соотношение в сознании каждого индивида, выступающее аспектом субъектности.

Можно сделать промежуточный вывод: самоцензура есть механизм, задействование которого потенциально может приводить к самоотчуждению и погружению в неподлинное бытие. Тем не менее следует задаться вопросом: любое ли проявление самоцензуры имеет негативную коннотацию или же она может выступать как механизм позитивного культурного конструирования?

Вторая шкала, используемая авторами, — шкала *tradition/secular*, как было отмечено выше, распадается на четыре субиндекса, ни один из которых не содержит отсылки к явлению самоцензуры. Следует отметить, что авторы считают религию гомогенной и не проводят различия между религиями предписания и религиями идеала. Между тем подобное деление продуктивно и достаточно распространено в философии. Более того, явление самоцензуры не вписывается ни в один из вышеперечисленных субиндексов, хотя и очевидно, что оно является частью религиозного сознания, в особенности в так называемых религиях идеала, предписывающих своим последователям строгий кодекс поведения, опирающийся, прежде всего, на самостоятельное следование ему индивида.

Любопытным кажется исследование явления самоцензуры в религиозном аспекте, в частности анализ различий религий предписания и «религий идеала» по отношению к их механизмам регуляции поведения человека. Также можно поставить вопрос о влиянии самоцензуры на оценку общества или культуры по шкале *traditional/secular* (*традиция/секуляризм*).

Классические примеры религий предписания — ислам и иудаизм. Десять заповедей Моисея — это прямое руководство к действию, регламентирующее дозволенное и недозволенное [7, с. 123]. Нагорная же проповедь Иисуса Христа скорее декларирует некий идеал. В представлении христианства, 10 заповедей ограничиваются тем, что

запрещают делать то, что греховно, в то время как заповеди блаженства учат тому, как можно достигнуть христианского совершенства (святости). Десять заповедей даны были в ветхозаветные времена, чтобы удерживать людей от зла. Заповеди же блаженства даны христианам, чтобы показать им, какие душевные расположения должны они иметь, дабы приближаться к Богу и обретать святость. Христианство, иными словами, — пример религии идеала. Таким образом, локус контроля переводится с внешнего на внутренний, тем самым делая христианские заповеди не вертикально ориентированными, а ориентированными горизонтально. Можно предположить, что самоцензура для «религий идеала» — значимый источник накопления индекса *traditional* (*традиция*), в то время как на «религии предписания» ее воздействие слабее ввиду более сильного внешнего локуса контроля. Тем не менее влияние самоцензуры на поведение религиозного человека становится достаточно явно показанным, вне зависимости от принадлежности его к той или иной конфессии. Ввиду того, что религия сама по себе — одно из базовых оснований любой современной культуры, можно заключить, что самоцензура, являющаяся ее частью, может быть рассмотрена и как значимый созидательный механизм.

Заключение (Conclusion)

Подводя итог, можно сказать, что попытки разрешения общественных противоречий путем уничтожения субъектности индивидов посредством самоцензуры в случае своей успешности устраняют в конечном итоге сами причины развития общества и людей в этих обществах как субъектов. Самоцензура как явление оказывается универсальной при рассмотрении культуры и общества как через призму противостояния ценностей сохранения и ценностей самовыражения, так и через оппозицию традиции и секуляризма.

Телеология ценностей сохранения и традиционных ценностей заключается в возможности воспроизводства культуры и общества в том виде, в котором они уже существовали. «Может быть лишь будущее без человека — даже если мы, напротив, стремимся построить такой мир, в котором все были бы счастливы» [8, с. 47]. Другими словами, построение идеального общества возможно лишь ценой утраты человеческого в человеке. Ценности сохранения, не уравновешенные ценностями самовыражения, уничтожают сами себя, лишая культуру возможности адаптироваться к изменяющимся условиям. Как было сказано ранее, самоцензура и самими авторами признается составляющей частью субиндекса *voice* (*свобода слова*).

Радикальное смещение баланса в сторону традиции приводит к ее внутреннему обесмысливанию, ее декларативному, но не сущностному воспроизводству. Об этом можно судить по характеристике субиндекса *scepticism* (*скептицизм*) Р. Инглхарта и К. Вельцеля, включающего в себя, помимо прочего, ироническое отношение к религии. Хорошей иллюстрацией к вышеприведенному тезису также можно считать результаты исследования британского антрополога К. Фокс, респонденты которой, указывая свою религиозную принадлежность как «СоЕ» (*церковь Англии*), при более тщательном и качественном анкетировании демонстрировали

агностические или атеистические взгляды. В ряде случаев у респондентов даже не получалось расшифровать данную аббревиатуру [9, с. 220], что говорит о сугубо демонстративном характере их религиозности. Иными словами, чрезмерное давление ценностей из группы traditional (*традиция*) на субъекта может приводить к началу их внутреннего отрицания или хотя бы пренебрежения ими.

При анализе шкалы traditional/secular (*традиция/секуляризм*) было также обнаружено возможное влияние самооценки на итоговую оценку общества по ней, прямо не учтенное авторами ни в одном из субиндексов. Таким образом, включение фактора самооценки в изучение общества по

данной шкале может привести к большей точности культурологического анализа. Более того, присутствие явления самооценки сразу в обеих шкалах позволяет говорить о нём как об универсальном механизме и потому заслуживающем последующего философского осмысления.

Перспективной для дальнейшей научной работы можно считать идею объединения самооценки, самореализации и самоотчуждения в триаду, каждая грань которой будет выступать в качестве экзистенциала, как доступного для анализа, так и подразумевающего свою имманентную включенность в неразрывной связи в субъектность каждого отдельного индивида.

Библиографический список

1. World Values Survey: Round Six — Country-Pooled Datafile Version / R. Inglehart, C. Haerpfer, A. Moreno [et al.] // World Values Survey. 2020. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения: 20.07.2021).
2. Inglehart R., Welzel C. Constructing Indices for Secular and Emancipative Values // World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 18.07.2021).
3. Лекторский В. А. Субъект // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии Рос. акад. наук. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH018dd6e872549db6296a3b8d#:~:text=subjectus> (дата обращения: 21.07.2021).
4. Байлук В. В. Сущность самореализации личности и ее структура // Педагогическое образование в России. 2011. № 1. С. 10–17.
5. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева [и др.]. М.: Центрком, 1996. 672 с.
6. Геворкян С. Р. Проблемно-конфликтные ситуации и экзистенциальная рефлексия личности // Интеграция образования. 2005. № 1/2 (38/39). С. 142–147.
7. Лемонджавя Р. Р. Библейские заповеди: ценностный ориентир для права // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 4 (26). С. 120–129.
8. Константинов Д. В. Антиутопии: будущее без человека // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 366. С. 42–48.
9. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения / пер. с англ. И. П. Новоселецкой. М.: Рипол Классик, 2008. 261 с.

References

- Arendt H. (1996) *[The Origins of Totalitarianism]*. Moscow, Tsentrkom Publ., 672 p. (in Russian)
- Bailuk V. V. (2011) Sushchnost' samorealizatsii lichnosti i ee struktura [Essence of Self-Realization and Its Structure], *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Pedagogical Education in Russia]*, no. 1, pp. 10–17. (in Russian)
- Fox K. (2008) *[Watching the English: The Hidden Rules of Behaviour]*. Moscow, Ripol Klassik Publ., 261 p. (in Russian)
- Gevorkyan S. R. (2005) Problemno-konfliktnye situatsii i ehkzistentsial'naya refleksiya lichnosti [The Problematic-Conflict Situations and the Existential Reflexion of an Individual], *Integratsiya obrazovaniya [Integration of Education]*, no. 1/2 (38/39), pp. 142–147. (in Russian)
- Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. (2020) World Values Survey: Round Six — Country-Pooled Datafile Version, *World Values Survey*. Available at: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed: 20.07.2021). (in English)
- Inglehart R., Welzel C. Constructing Indices for Secular and Emancipative Values, *World Values Survey*. Available at: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (accessed: 20.07.2021). (in English)
- Konstantinov D. V. (2013) Antiutopii: budushchee bez cheloveka [Anti-Utopias: Future Without Man], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, no. 366, pp. 42–48. (in Russian)
- Lektorskii V. A. Sub'ekt [Subject], *Novaya filosofskaya ehntsiklopediya [The New Philosopher's Encyclopedia]**, Institut filosofii Rossiiskoi akademii nauk [Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences]*. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH018dd6e872549db6296a3b8d#:~:text=subjectus> (accessed: 21.07.2021). (in Russian)
- Lemondzhava R. R. (2011) Bibleiskie zapovedi: tsennostnyi orientir dlya prava [The Commandments as the Value Guiding Line for Law], *Leningradskii yuridicheskii zhurnal [Leningrad Legal Journal]*, no. 4 (26), pp. 120–129. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.